

По обе стороны Яксарта -2/ продолжение

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

По обе стороны Яксарта -2/ продолжение Аргимпаса не учла неведение святотатцев и тяжко покарала их: во искупление грехов старших сыновей своих осквернители и их потомки должны были собственноручно оскоплять и посвящать служению богине. Они заменили невинных жриц, с которыми предки энареев обошлись так неучтиво...

Было уже сумеречно, когда отец с сыном добрались до места обитания энареев. Бесшумно сновали летучие мыши. В дальнем овраге плакал одинокий шакал. Было как-то зябко и тревожно.

Энареи, видно, рано ложились: свет костра пробивался сквозь дверные щели только в самой большой юрте. Вошли, стараясь не задеть высокого порога, чтобы не нанести оскорбления хозяину.

Костер горел в центре помещения. На шкуре барса у войлочной стены, свернув ноги калачиком, сидел хозяин. Голова его склонилась на грудь, плечи медленно поднимались и опускались в такт глубокому дыханию. Поздние посетители хотели тихо выйти и убраться восвояси. Вдруг откуда-то сверху разразился жуткий пронизывающий до костей хохот. Кидрей так и сел у порога. Сат-рак схватился за кинжал и обмер – в дымовое отверстие юрты заглядывала чья-то рожа в перьях с круглыми глазами величиной с чашку.

– Замолчи, Ахриман! – сказал хозяин. Голос его был звонкий, приятный. – Не пугай людей, пришедших с чистым сердцем и добрыми намерениями. Не бойтесь, дорогие гости, – обратился хозяин к пришлым, – это мой страж. Он не сделает вам зла.

– А мы и не боимся, – прошамкал старый Кидрей. Голова его все еще мелко дрожала. – Что мы, филина не видели?

– Проходите к костру. Садитесь. – Хозяин поднялся, уступая почетное место гостям. Стало видно, что он рослый и сильный. – Я давно жду вас. Поэтому и не ложился.

– Нет, нет. Мы ненадолго. Мы присядем здесь, – сказал Кидрей, усаживаясь у порога, и подумал: «Лучшее место в таком доме то, которое поближе к дверям». – А каким образом ты, мудрейший из энареев, узнал, что мы прибегнем к стопам деви-Аргимпасы?

– Она и поведала, – ответил энарей, указав на стену юрты. Только сейчас Кидрей и Сатрак огляделись. Убранство юрты отличалось богатством и красотой, но не было привычной отгороженной женской части справа от входа. Обычные вещи на обычном месте. Полстены юрты за спиной хозяина занимал прекрасный ковер. На нем была изображена женщина на высоком троне. Вокруг нее – хитроумные завитки из побегов лозы, цветов и листьев. Перед женщиной – молодой всадник с красивыми усами и в полном боевом снаряжении.

– Это и есть наша мать, светлая и великая Аргимпаса, – сказал энарей, указывая на ковер. – Она поведала мне, что отцы царя Мавака ищут для него достойную жену. А еще она поведала, что Ахриман затмил разум добрых отцов настолько, что они отправились за неведомым не к слугам великой богини, а к презренным гадальщикам на прутьях. Ну, что, многое открыли вам эти невежды?

– Как бы не так, – ответил Кидрей. – Ничего не открыли. Сказали только, что туман заслоняет истину и ничего не видно...

– Знаю и это. Великая Аргимпаса не оставляет своих верных слуг в неведении.

Энарей помолчал, потом обратился к Кидрею:

– А при встрече с дряхлым почитателем прутьев ивы, передай, что я не боюсь царского гнева. Я в родстве с Липохшайя. А вот по нем давно плачет повозка с хворостом и он не избежит объятий огня.

Прокричал петух. Хриплый голос птицы еще не успел затихнуть, как его продолжили новые звуки. Протяжные, нарастающие... Кидрей и Сатрак почувствовали: в юрте произошло что-то, какая-то значительная перемена. Все вокруг: огонь, ковер, оружие, седла и звезда, заглянувшая в дымовое отверстие юрты, и они сами вошли в новое состояние... Энарей пел гимн Аргимпасе. Чистые и прекрасные звуки улетали в пространство, сопровождаемые бесчисленными трелями-созвучиями. Это не было песней, это было нечто большее, древнее, до боли родное и очень сакское. По щекам Кидрея катились крупные слезы, Сатрак кусал губы...

Появился еще один женоподобный жрец, подошел к огню и бросил в него что-то из мешочка, потом еще и еще... Костер задымил, приторный запах горелой конопли и еще чего-то приятного, неведомого, успокаивающего распространился по юрте. Клубы дыма почти застилали поющего энарея, было видно только как его руки быстро заплетали и расплетали длинные полосы бересты...

– Подойди-ка, о Кидрей-питар, – голос энарея стал неожиданно будничным. – Светлая Аргимпаса показала мне невесту Мавака. Нагнись пониже...

Жрец что-то прошептал старику на ухо. Тот радостно вскрикнул и заспешил к выходу...

– Сколь всеведущи мудрецы саков, – заговорил Кидрей, когда хромая кобыла отмерила уже значительно расстояние от жилища энареев. – Вот гадальщик на прутьях сразу узнал, зачем мы пожаловали! То же самое и энарей – любимый жрец богини Аргимпасы, всезнающий, все слышащий и за всем глядящий...

– Ты прав, отец, – сказал Сатрак и подумал: «А не является ли всезнающий – всеподслушивающим и всеподглядывающим?»

Мавак, сидя на троне, робко спросил у окружающих:

– Так я вправду царь? И все мои распоряжения будут выполняться?

– До первой звезды, – подтвердил кави.

– Я хочу видеть царевну Зарину...

Начальник царской дружины бросился вон.

Между тем к трону стали пробиваться многочисленные просители. Некоторые хитрецы нарочно дожидались Ноуруза, чтобы «царь на один день» решил какое-нибудь кляузное дело, которое много лет не мог или не хотел решить наследственный владыка. Они знали, что царское решение по обычаю не подлежит отмене и рассчитывать таким образом поправить свои дела.

Однако вожди, окружавшие трон, не давали юноше и рта раскрыть.

– Царь сегодня занят! – кричал один просителю.

– Праздник есть праздник! – вторил другой.

А если просящий был слишком настырен, жрец-кави говорил проникновенно:

– Отложим твое дело на завтра. Выпей-ка эту чашу кумыса!..

Зарину нигде не нашли. Может, плохо искали? Царевна как в воду канула.

...Когда в небе затеплилась первая звездочка, пришли дружинники, осторожно сняли царские одежды с плеч молодого охотника, забрали корону и прочие знаки царского достоинства.

Жрец-кави сказал в напутствие:

– Возвращайся, юноша, в обиталище отца твоего и помни: целый день ты повелевал самым храбрым народом в мире! Будь же всегда добродетельным и справедливым, как подобает человеку, носившему такой высокий титул. Ну, иди, иди, я все сказал.

На широком дворе путь ему преградила девичья фигура. Зарина! Даже в сумраке видны были ее белые зубы в насмешливой улыбке:

– С какой целью искал меня царь? Вот я, перед тобой. Что прикажет повелитель?

Мавака уязвил ее тон до самой глубины души.

– Я уже не повелитель. Ты слишком поздно нашлась.

– Это не моя вина. Видно, плохо выполнялись твои приказы. Кто захочет, тот сам найдет...

До самой полночи бродил Мавак в степи...

Отец и дед встретили его по-разному: первый – доброжелательным молчанием, второй – вопросом:

– Говорил ли ты с царской дочерью?

Мавак неопределенно качнул головой и побрел в стойло к верному Рахшу.

– Неужто не догадался? – рассердился дед. – Завтра я сам возьмусь за это дело. Эх, молодость – глупость!

Мавак, расчесывая гребнем шелковистую гриву коня, размышлял уныло: «Вот я и побывал царем. А что толку? Помог ли я кому-нибудь? Сделал ли что-нибудь? Даже ни одного приказа не отдал. Эх, не царь всему голова, а его советники-вожди, жрецы... Только поносил царские одежды, посидел на троне, да отведал блюд с царской кухни...»

На праздник Ноуруз все подносят друг другу подарки. Люди стараются превзойти один другого в щедрости и добросердечии, желают здоровья и благоденствия на целый год. Оттого-то в эти дни на лицах расцветают улыбки, и глаза светятся любовью к ближнему своему и ко всему миру. Нет ничего лучше Ноуруза, жаль, что он не длится вечно.

Много даров поднесли верховному вождю саков его соплеменники. Саки с Восточных склонов пригнали косяки превосходных коней. Из северных долин – небольших коров с горбом и длинными

рогами, дающих жирное молоко. Горные саки, живущие на границе вечных снегов, – шкуры барсов и шерсть яков. В одежде из такой шерсти не страшны самые лютые морозы. Южные саки пригнали на двор царя отары – хвосты у их знаменитых овец были жирные, толстые и чуть ли не волочились по земле. Саки, живущие в пустыне, привели огромных верблюдов.

Глашатай зычно возвещал названия племен и родов, от которых приносились дары.

Старый Кидрей проехал на своей хромой кляче по широкому полю, заполненному народом, и спешил к глиняной ограде. За ней высился огромный царский шатер. Толстый круглый человек – Смотритель гостей – спросил, что ему нужно.

– Скажи Владыке Горы так: Кидрей, потомок Великого Конюха, желает приветствовать своего верховного вождя и поднести дар!

– Великого Конюха? – переспросил Смотритель гостей с удивлением, а его заплывшие глазки восторженно впились в жеребца, которого проситель держал в поводу. – Ладно, пойду и скажу. Но удовлетворится ли таким объяснением Владыка Горы?

– Можешь не сомневаться, – ответил старый Кидрей.

В толпе недоумевали:

– Почему он так странно говорит: потомок Великого Конюха? Разве может конюх называться великим?

Другие, знавшие старика в лицо, отвечали:

– Это же Кидрей из Урочища Цветов! Его предок – действительно Великий Конюх Ширак!

– Тот самый Ширак? – поражались спрашивающие.

– Именно он... А внук этого старика вчера был нашим царем...

– Тот самый?

– Именно он...

Смотритель гостей скоро вернулся и торжественно объявил:

– Кидрей-питар! Вождь вождей Липохшайя говорит: войди!

На драгоценном троне, подлокотники которого сделаны в виде фигур коней, восседал Липохшайя – Владыка Горы. В первый день Ноуруза он был в синей одежде пастуха и ел самую простую пищу – так повелось издревле. И народ любил своего верховного главу за соблюдение обычаев, добрый нрав, справедливость и сострадание к беднякам. Но сегодня он уже предстал соплеменникам во всем блеске царского величия. И вожди, окружавшие его, излучали сияние. На их одежде было множество украшений, которые указывали на высокое положение их обладателя, служили еще и оберегали от всевозможных напастей. Среди знати Кидрей заметил и своего вчерашнего обидчика Спаргатифа: тот пробрался к самому трону и сидел рядом с царским братом Картазисом.

Дед выступил вперед и, держа в поводу Рахша, произнес напыщенно:

– Владыку Горы, угодного богам, сияющего, Вак Митра, приветствую и приношу в дар этого солнечного коня, самого быстрого в сакских табунах! Как известно владыке, Рахш победил на состязаниях. На нем был мой внук, царь вчерашнего дня. Пусть же отныне конь-солнце принадлежит царю, царю – по праву рождения!

И Кидрей отдал повод подбежавшему конюху. Липохшайя поблагодарил старика и сказал:

– Есть ли у тебя какая-нибудь нужда ко мне?

– Да, великий царь! Я прошу отдать дочь владыки в жены моему внуку Маваку. Тому, кто вчера весь день, до первой звезды повелевал народом саков.

Толпа ахнула. Просьба была настолько неожиданной, что сам царь

смешался. Зато вскочил его брат Картазис, и, яростно вращая глазами, закричал:

– Старый, но глупый человек! Как ты осмелился сказать такое владыке, происходящему от богов? Или ты можешь похвастаться высоким родом? Или великими богатствами? Разве ты не знаешь, что конь и баран не идут в одной упряжке, а тигр и коза не едят из одного корыта?

– Ты прав, высокородный, – отозвался Кидрей. – Никто не видел, чтобы лев и коза хлебали из корыта: козы предпочитают лужайки и кустарники, а тигры охотятся на них... – Он с достоинством огладил бороду. – Богатств у меня нет. Только один конь. Зато он стоит целого табуна! А что касается моего рода, то я сейчас поведаю вам об этом, если великий царь позволит.

– Нечего слушать выжившего из ума старика! – кричал Картазис.

– По его одежде видно, что он из тех, кто дает корм скоту!

– Пусть говорит, – сказал Липохшайя.

Кидрей-питар взял из чьих-то рук инструмент с двумя жильными струнами и начал петь еще вполне крепким голосом. Шум постепенно затих, в дальних рядах люди вытягивали шеи, стараясь уловить слова певца. А пел он сказание о великом подвиге своего далекого предка, царского конюха Ширака.

И спел он о том, как давным-давно злой Дараявауш, владыка хорзаров, покорил девяносто девять народов и пришел на землю туров, и потребовал от них «земли и воды». Вождь туров-массагетов предложил бежать на север. Вождь туров-амюргиев считал, что надо уйти в горы на восток. И только Саксфар – вождь туров-саков, предок Липохшайи, говорил, что надо в бою встретить врага. Спорили они и не могли прийти к одному. Тогда пришел к ним Ширак – конюх, водивший табуны Саксфара, и рассказал, как можно спастись.

И поклялся Ширак Матерью-Землей, Вечным Огнем, Священной Водой, и согласились с ним вожди. Изуродовал он себе лицо –

обрезал нос, уши, и, окровавленный, явился к Дараяваушу; сказал он завоевателям, что хочет отомстить хозяину своему Сакс-фару – показать лучшую дорогу, по которой скрытно можно подойти к войску туров. Поверил ему Дараявауш и направил воинов туда, куда указывал Ширак. И пришли они в пустыню, где не видно ни птицы, ни зверя, откуда невозможно выйти, и поняли, что обманул их Ширак. Казнили его страшной смертью, но и сами погибли.

С тех пор и зовут Ширака Великим Конюхом – спасителем народа, а вожди туров дали клятву всегда заботиться о потомках Ширака.

Старик умолк.

Липохшайя задумался, затем поднял жезл, дождался тишины и сказал:

– Велики деяния твоего предка, Кидрей. Но ни они, ни знатность не дают права попираť установленного отцами. Разве позволяет обычай в светлый Ноуруз ссориться и враждовать? Разве не ждет дерзкого святотатца кара богов? Младший брат мой, Картазис! И ты, Кидрей! Подойдите друг к другу и выпейте в знак примирения молока кобылицы из одной чаши! Иначе, клянусь Вечным Огнем, вы узнаете, что такое мой гнев!

Старый жрец подал им пиалу с кумысом. Оба вынуждены были подчиниться...

– Велик и мудр Липохшайя! – кричала толпа.

– Теперь о сватовстве, – продолжал Липохшайя. – Ведомо ли тебе, Кидрей-питар, какая молва идет о моей дочери?

– Все превозносят ее красоту, – отвечал дед.

– Но помимо этого она очень своенравна и непокорна. Даже я, отец и вождь вождей, не могу принудить дочь к чему-либо, если она того не желает. Вот какая идет молва, и признаюсь: все в ней чистая правда! Поэтому спроси у самой Зарины.

– Великий царь прав, – согласился Кидрей. – Не в обычае саков принуждать своих дочерей к замужеству против их воли.

Стали искать Зарину и долго не могли найти. Наконец, она сама появилась, разгоряченная от долгой скачки и одетая по-походному: куртка-безрукавка, узкие кожаные штаны и мягкие сапожки.

Все присутствующие невольно залюбовались ею. Хороша, ох как хороша дочь Владыки Горы!.. Ее волосы вполне оправдывали имя – золотая! А глаза! Огромные, голубые-голубые, в обрамлении смоляных трепещущих ресниц под дугами бровей!..

Липохшайя обратился к дочери:

– Какой же ответ ты нам дашь?

– Но я не вижу жениха, – ответила Зарина. Из толпы вытолкнули побледневшего Мавака.

Зарина оглядела его насмешливо и обратилась к деду Кидрею:

– Есть у нас старый обычай, только его стали забывать. Если юноша сватается к девушке, она вправе вызвать его на единоборство. Победитель же распоряжается судьбой обоих. – Она вновь повернулась к Маваку. – В присутствии свидетелей я вызываю тебя на поединок! Пусть Вератрагна – бог победы и грома – решит наше дело завтра, как только взойдет над горами Солнце.

На следующий день рано утром поле заполнила огромная толпа. Стало известно, что еще семьдесят четыре девушки, вдохновленные примером царской дочери, вызвали на единоборство своих женихов. Подобного зрелища саки не видели много лет...

Из царского дома вынесли и расстелили огромный войлочный ковер – по обычаю, сошедший с него считался побежденным.

Старый Кидрей наставлял Мавака:

– Ты поосторожнее... У женщин ребрышки хрупкие, что у но
ворожденного ягненка. Однако и слабины не оказывай: пусть
мужские руки почувствует... Уважать больше станет...

На другой стороне Картазис давал наставления племяннице.

– Не бойся, дядя, – отвечала Зарина. – Я ведь знаю, на что
иду.

Зарина и Мавак стали друг против друга. Одеты они были
одинаково: рубахи из тонкого полотна, заправленные в узкие
штаны, короткие безрукавки с вырезом на груди, мягкие сапожки.
Длинные волосы обоих стянуты ремешками, а у Зарины еще и
собраны на затылке пышным узлом. Оба – молодые, красивые,
почти одного роста.

Царь подал знак. Распорядитель ударил в бубен. Противники
пригнулись, сблизились. В наступившей напряженной тишине вдруг
кто-то сказал:

– А руки ее – как два лебяжьих крыла...

Зарина сделала неуловимое движение и ухватила Мавака за пояс.
Но и тот успел сделать то же самое. Лица их сблизились и
девушка прошептала:

– Не одолеешь ты меня... миленький...

Ее прекрасное лицо – у самых глаз... Мавак только облизнул
пересохшие губы. Зарина резко дернула за пояс и подставила
ногу. Толпа ахнула – Мавак еле устоял на ногах. В тот же миг
рассерженный юноша схватил ее за бедра обеими руками и поднял
на воздух легко, словно охапку сена. Девушка, обхватила его
голову руками, прижала к груди, и он услышал прерывистый
шепот:

– Любимый, не надо...

Словно гром ударил ему в виски, колени сделались ватными...

Очнулся он, лежа на спине, девушка сидела на нем. В тот же миг он ощутил на своей щеке горячее дыхание и быстрый поцелуй. А потом он обнаружил, что все еще лежит на спине, а над ним – чистое голубое небо. И в ушах гремит, словно сам бог победы Вератрагна исступленно бьет в небесные бубны... Нет, то ревела толпа...

Мавак вскочил на ноги. Он увидел искаженные в смехе лица, кричащие рты, взмахивающие руки... Мавак закрыл лицо полой куртки и побежал. Толпа зашлась от восторга.

Только поздно вечером его нашли посланницы царевны:

– Мавак-жених, побежденный на поле! Наша Зарина требует тебя явиться к ней с покорностью и повиновением. Она хочет, чтобы ее имущество было в доме.

Уныло поднялся Мавак, а девушки смеялись:

– Эй, Мавак – раб царевны, ну что ты такой хмурый, сегодня в свадебных поединках девушки одержали тридцать семь побед!

Маваку от этих известий на сердце полегчало и он, сопровождаемый далеко не безобидными шутками девиц, побрел к шатру Зарины.

Та встретила его, сидя на изящном персидском стульчике. И одета была, как настоящая царская дочь: длинное платье из розовой ткани, золотая диадема с подвесками, тончайшее прозрачное покрывало, ниспадающее на золотистые волосы. На руках – браслеты с изображением змей, на пальцах – перстни из драгоценных камней и золота. И глаза ее сверкали холодно и надменно.

– Почему ты сбежал от меня? Разве не знаешь закон? Ты – мой пленник, моя собственность. Мои подруги вынуждены были целый день искать тебя!

Мавак, глядя в лицо прекрасной обманщицы, дерзко повторил ее собственные слова.

– Это не моя вина. Видно, плохо выполнялись твои приказы. Кто захочет, тот сам найдет...

Лицо принцессы вспыхнуло, сапфировые глаза потемнели.

– Если конь отбивается от табуна – пастухи бичами загоняют его обратно. На первый раз я прощаю тебя. Эй, подружки! Накормите его тем, что осталось от слуг, а потом отведите к моим скакунам. Отныне он будет смотреть за ними...

И началось «рабство» Мавака. Ширились слухи, будто принцесса всячески унижает «царя одного дня». Видели как-то Зарину в окружении щебечущих подружек: они спускались к ручью. А позади плелся Мавак с корзиной грязного белья на голове. Находились свидетели, готовые присягнуть в том, что будто бы царевна учит Мавака пряхсть и ткать, а тот, вытирая слезы стыда, делает уже кое-какие успехи. Более того! Принцесса наряжает юношу в женские одежды и водит вокруг него хороводы с подружками. А ночами Мавак не спит – стоит караульным у шатра, где изволит почивать царская дочь.

Добрые люди сочувствовали. Недобрые – злорадствовали. А издавшие виды старики предсказывали:

– По всему видно, быть свадьбе на осенний Михраган! Слухи эти, разумеется, достигли обиталища Сатрака и старого

Кидрея Старик сначала сильно огорчился, считая себя причиной всех бед внука. Но потом отыскал истинных виновников.

– И как только боги терпят этих прорицателей! – сетовал он. – Один болтает: «Рахш останется с Маваком», другой шепчет: «Судьба Мавака – Зарина». А как дело обернулось? Рахш в табунах Липохшайя, а внук – в рабстве у Зарины! Значит, все их прорицания следует толковать наоборот?! Слава нашим предкам, создавшим очень справедливые законы: и бородатого, и безборбдого лжецов ждет огненная повозка...

На седьмой день Ноуруза царские глашатаи объявили, чтобы все

шли к Большому жертвеннику у скалы Пашкуча. Будет говорить Спитамен – правитель Согдианы.

– Укротители быстроногих коней! – Так он начал свою речь.– Властители стад и пастбищ! На этом великом празднике мой живот ощутил славное гостеприимство, уши мои насладились пением девушек, а глаза пришли в восторг от лицезрения могучих воинов народа саков! Пусть и впредь благостным дождем прольется милость богов на вашу прекрасную землю!

Толпа одобрительно загудела. Спитамен продолжил:

– Мы – соседи. Уже много поколений между нами нет войны. Каждый владеет своим и не зарится на чужое. Наш Согд тоже прекрасен: он обилён возделанными полями, сочными пастбищами и животворящей водой. Великое Солнце одинаково ярко светит и вам, и нам. И разве не все мы почитаем Ахура Мазду – Урмаузда, как вы говорите – и Справедливость – Арту?..

Гул одобрения раздался над полем.

– Но в мирную жизнь черной змеей вползла беда. Коварный и жестокий враг подступает к нашим пределам. Уже пылают города и селения некогда цветущей Бактрии. Алтари разрушены, и руки насильников влекут за косы бактрийских девушек. Надменный царь Запада хвастливо говорит: то же самое ожидает и прекрасный Согд! Потом наступит и ваш черед, доблестные метатели стрел!

На этот раз поле отозвалось нестройным шумом. Слухи о великой войне, опустошающей персидскую державу, давно уже носились в сакских пределах. Ветераны похода на запад, вернувшиеся после Гавгамел, рассказывали всякие ужасы о могуществе и беспощадности железобокых людей царя Искандера.

– Так объединимся же, – возвысил голос Спитамен, – выступим всей ратью и уничтожим общего врага на дальних рубежах, пока он не вторгся и не осквернил священную землю пре ков!

р>Мнения разделились. Большинству просто не верилось, что кто-

то доберется сюда, в родны г ры. Даже персидские сборщики налогов не осмеливались переправляться за Яксарт и требовать дани! Со времен первого Дараявауша никто не нападал на саков – одно лишь их славное имя останавливало любого врага!

Другие же, особенно ветераны, поддержали Спитамена: царь Искандер ни перед чем не остановится! Он хочет завоевать вселенную!

После правителя Согда слово держал сам Владыка Горы.

– Доблестные мужи! Совет вождей принял решение не начинать пока большой войны с царем Искандером. Посмотрим, куда он повернет. Но соседям помочь мы должны. Поэтому на битву с врагами под водительством славного и могучего, рожденного в потомстве Спитамена пусть отправляется кто хочет! Пусть Спитамен поступит по обычаю!

Правитель Согда был огорчен решением вождей, но виду не подал...

Наутро вся Царская Долина знала, что у храма Вератрагны великий и славный Спитамен будет приносить жертву богу войны.

У храма собралась большая толпа саков. В стороне отдельной группой стоял Спитамен с друзьями. Правитель Согда был одет в платье сакского пастуха. Только пояс с тяжелой золотой пряжкой и акинак в ножнах, покрытых золотом, указывали на его принадлежность к высшей знати.

Спитамена терзали сомнения. Глядя на толпу, в которой затерялось не больше сотни-полторы воинов, на убогий храм сакскому Вератрагне, вождь корил себя за то, что не обратился к массагетам. Ну что это за храм богу войны? Громадная куча хвороста, в вершину которой воткнут меч. Дараявауш, выступая против Искандера, возносил хвалу Вератрагне в мраморных с позолотой храмах Персеполя, и то потерпел поражение.

Несколько саков суетились у громадного бронзового котла на трех коленчатых ногах. Ждали быка... И вот его привели.

Громадные рога его украшал венок из арчи, на шее – лента красной ткани. Черный великан трусцой бежал между двумя всадниками. Каждый из них держал в руках натянутый волосяной аркан, привязанный к медному кольцу в ноздрях животного. Кони боялись зверя, шарахались, норовили рвануть в сторону. Кольцо рвало ноздри, причиняя быку нестерпимую боль. Слюна и кровь, смешавшись, клочьями розовой пены падали на землю. Бык ревел...

– Это он возносит молитву Вератрагне, – говорили в толпе.

Быку крепким ремнем связали передние ноги, пропустили конец между задними и вручили его Спитамену. Старый кави вознес короткую молитву небесам и подал знак. Спитамен изо всех сил дернул ремень на себя – бык упал. Кави накиннул на шею животному петлю, вставил в нее палку и несколько раз повернул ее...

Быка освежевали быстро. Кави разделил его на четыре части: кровью окропили храм и полили меч, мясо – в котел, шкуру разостлали на земле, а внутренностями занялись жрецы. Они долго рассматривали их, особо пристально – печень, совещались, указывая друг другу на одни им известные приметы. Наконец кави поднял руку, и толпа разом затихла:

– Слушай волю бога, о благословенный народ саков-туров! Вератрагна принял жертву Спитамена. Он сам и его воины будут покрыты вечной ратной славой. Подвиги их будут помнить потомки, пока стоит Великая Хара, пока светит солнце-Митра, пока течет наша Апо!

При первых словах кави Спитамен сорвал с себя пояс, повесил его на шею и сел на разостланную шкуру быка. Оглядев толпу, внимавшую кави, он рванул ворот рубахи и заложил руки за спину. Как только умолкли слова кави, Спитамен, глядя поверх толпы и ритмично раскачиваясь, начал длинную песню-жалобу народу саков от имени персов, арахозов, каспиев, дагов, ариев, бактрийцев, парфян, согдиатов на бесчинства царя Запада...

Мясо сварилось. Его горой навалили на широкие деревянные

столики с короткими ножками, которые поставили на шкуру быка перед говорившим. Первым из толпы вышел чернобородый воин, огляделся, взял бычью лопатку, попробовал мясо. Потом он наступил правой ногой на шкуру и громким голосом, чтобы слышали все, заявил:

– Я иду с тобой на Искандера и беру с собой пять всадников на своих харчах.

Пример был подан. Один за другим подходили воины, брали мясо, становились на шкуру и произносили слова обета. К полудню под началом правителя Согда было Ури сотни всадников. Три сотни, которые стоили тысячи.

Про Мавака прошел слух, будто он просился у царевны в отряд Спитамена, а та непустила. Эту молву Кидрею и Сатраку принес Мермер-говорун, стыдно было слушать деду и отцу то, что болтал Мермер. Как только удалось гостя выпроводить, Кидрей отправился к царю.

Мавак целую неделю стоял на часах, охраняя шатер царевны. Он был настороже. Прошлой ночью кто-то пытался пробраться к Зарине, и теперь он заметил силуэт крадущейся фигуры.

– Стой, вор!

И столкнулся лицом к лицу с дедом. Тот насмешливо спросил:

– Сторожишь, внучек? Ни дать, ни взять – Смотритель гостей. А ну, пропусти меня к своей хозяйке.

– Что ты задумал, дед?

– Мое дело! – сварливо ответил старик. – Если ты оказался молодым бараном, должен быть кто-то и старым ослом. А ну, дай пройти!

Мавак отступил и уныло смотрел в удаляющуюся спину.

Потом он долго бродил вокруг шатра, изнывая от нетерпения:

«Зачем пожаловал дед? Опять просить царевну выйти за меня?» Он был твердо уверен, что Зарина его презирает и жестоко страдал от мысли, что дед сейчас вымаливает для внука милостей у царевны. Ожесточившись, он подошел к самому шатру в твердой решимости прервать дедовы слезные мольбы. Слух его уловил последние фразы разговора:

– Я ухожу. А ты подумай хорошенько, красавица.

– Милый дедушка, любимый богами, – голос принцессы был мягок и в нем даже почудились слезы, – я поступлю по-своему. И, если захотят Урмаузд и Аргимпаса, все будет хорошо.

Мавак еле успел отскочить – из шатра появился старик и засе-менил прочь. Мавак догнал его.

– О чем ты говорил с царевной?

– Узнаешь, когда ума наберешься, – сердито ответил тот и сунул юноше что-то в руку.

– Спрячь-ка понадежнее. Это дорогое ожерелье, которое так и не успел я подарить твоей матери. Подари царевне. И запомни, недотепа, девушек сторожат внутри шатра, а не снаружи! Э-эх, молодость-глупость!..

Между Владыкой Горы и его строптивой дочерью тоже состоялся серьезный разговор. Царь настаивал, чтобы дочь отпустила Мавака в отряд добровольцев Спитамена.

– Он – мой пленник по обычаю! – кричала Зарина. – Толь-ко я могу распоряжаться его судьбой!

– Так-то оно так... Однако не забывай, дочь, Мавак – потомок Ширика. И не пристало нам делать из него раба. Ходят слухи...

– Неправда! – оборвала Зарина, краснея. – Но ведь он – моя собственность! Что хочу, то и делаю.

– А что скажут люди? Нет, дочка! Пусть молодец поборется не с

женщиной, а с воинами царя Искандара. Пусть добудет себе славу.

– А если его убьют? – выдала себя царица.

– Мужчина рожден женщиной для того, чтобы пасть в бою...

– Не отдам! – визжала Зарица.

– Отдашь, – благодумствовал Липохшайя. – Я возвеличу его, если прославится.

Принцесса в голос запричитала. Но отец на этот раз был непоколебим. Вполне возможно, царь лелеял мысль: а вдруг Мавака и вправду убьют на войне? Тогда не придется отдавать царицу за потомка, хотя и знаменитого, а все же конюха...

Маленькое войско двинулось в поход. Жители и гости Роксанаки призывали вслед отбывающим милость Урмаузда, Вератрагны и Фарна – бога воинской славы. Впереди ехал Спитамен с четверкою телохранителей. Мавак оглядывался, но Зарины не было видно.

Вдруг из-за кургана вынырнул маленький конный отряд. Мавак узнал Томиру, Спаретру и других всадниц – вечно дразнивших его подружек царицы, но ее среди них не было, зато Томира вела в поводу его солнечного коня Рахша!

– О воитель, подобный Тиштрии-Сириусу, – неожиданно серьезно и торжественно произнесла Томира. – Прими в дар этого коня, а также меч, кинжал и лук, принадлежащие царю: с ними ходили в бой все его предки.

– Великая и вечная благодарность Владыке Горы! – взволнованно ответил Мавак, спрыгнув с коня и схватив за уздечку Рахша.

– Смотрю я на тебя и дивлюсь! – привычно насмешливо бросила Томира. – Или ты глуп, как седло? Или недогадлив, как этот придорожный камень? И сердца у тебя нет вовсе! И глаз тоже! Это все дарит тебе Зарица!

– А где же она сама? – несколько растерявшись спросил Мавак.

– Она сама – плачет. Горюет по такому дураку, как ты!..

Юноша обнял шею верного Рахша, спрятал пылавшее лицо в гриве. Конь прятал ушами и хватал мягкими губами ладонь друга.

– Тюльпанчик! – вмешалась Томира. – Прими же и остальные дары нашей повелительницы, не задерживай меня.

Мавак сунул руку за пазуху.

– Вот, передай царевне...

– Какое прекрасное ожерелье! – воскликнула Томира. – Это твоя первая добыча на войне?

– Оно принадлежало моей матери...

– Непременно передам! И еще скажу, что ты шлешь ей тысячу поцелуев и столько же нежных слов любви... Или не надо, чурбан ты этакий?

– Да, да, да! – горячо отвечал пылавший Мааак.

Прощание было кратким... А потом девушки сквозь слезы долго-долго смотрели с холма, как тают вдали всадники, отправившиеся на битву с царем Запада, грозным и загадочным Искандером...
Taryhy proza